

О ТОМ, О СЕМ

Экспонат из коллекции
- 1994 -
- 2-50мт. -
- с. 6.

Недавно опубликованная книга исследовательницы английского театра А.Г.Образцовой "Бернард Шоу" названа учебным пособием. Может быть, из-за небольшого объема. На самом деле книжка напоминает скорее лаконичный портрет-эссе, который знакомит с Шоу как с фигурой символической для XX века вообще. Видимо, Шоу подытоживает целую традицию восприятия художника как общественного деятеля. Сам

Парадокс о драматурге

драматург такой имидж себе вольно или невольно создавал, а другие этот имидж охотно поддерживали. Мы сейчас от подобного образа творческой личности немного устали. Этот образ не очень моден и, как правило, не задерживает на себе внимания. Но читая о Шоу, начинаешь заново размышлять на тему взаимоотношения искусства и общества. Дело ведь не в том, что жить в обществе и быть независимым от него нельзя. Вопрос в том, как проявляется эта зависимость и не переплетается ли она с какой-нибудь другой зависимостью?

Политические и социальные перипетии нашего столетия действительно иногда как-то завораживают, слишком оттягивают на себя внимание. Кажется, надо бросить все и во что бы то ни стало разрешать всякие животрепещущие проблемы, связанные с войнами и мирной социальной несправедливостью. Художник, который просто что-то сочиняет и не занимается политикой, производит впечатление, во-первых, эгоиста, во-вторых, человека с каким-то некружным дарованием. Иллюзия того, что реальность, в принципе, гораздо масштабнее просто искусства, упорно витает в воздухе. Почему так происходит? Почему Бернард Шоу и политикой занимался, и пьесы сопро-вождал публицитическими предисловиями, и в самих драмах вел дискуссии на общественно-важные темы? Как показывает А.Г.Образцо-

ва, Шоу-политик органично уживался с Шоу-драматургом. Будто без публицистической деятельности Шоу стало бы скучно. Видимо, речь надо вести не только об одной общественной сознательности художника.

Искусство в нашем столетии теряет свою самодостаточность. Самим людям искусства оно периодически начинает казаться ограниченной и периферийной сферой активности. Творчество часто протекает с подспудным ощущением истощенности художественных форм и образов. Конечно, Шоу не позволял себе такие мысли. Но комплекс драматурга, создающего свои произведения уже после Шекспира, в творчестве Шоу явно прочитывается. Не случайно Шоу написал пьесу для кукольного театра "Шекс против Шоу", а Анна Образцова посвящает ей один из самых поэтических фрагментов книги. "Бернарду Шоу все-таки очень хочется поведать своему гениальному предшественнику, что кое-что ему удалось сделать. Хочется отчитаться перед ним — главным судьей и высочайшим авторитетом". Вот Шекспиру вряд ли хотелось перед кем-то отчитаться. Шоу может сколько угодно подтрунивать над Шекспиром и сочувствовать Шекспиру в другой своей пьесе — "Смуглая леди сонетов". Все это проявления не столько раскрепощенности драматурга XX века, сколько его зависимости от предшественника.

Все простые и главные истины о жизни уже указаны — теперь необходимо изощряться в парадоксах. Ими Шоу буквально напигвыывает свои пьесы. А в книге А.Г.Образцовой ряд "шоуизмов" вынесен отдельно, вместо примечаний. Писать с поэтической патетикой в интонациях — как-то неудобно. Время безбоязненного увлечения патетикой прошло вместе с веком Шекспира. И Шоу мечется от пафоса к едкой иронии, от уныния к скептической невозмутимости. Художник как будто постоянно с большим трудом пытается понять, что же, собственно, он чувствует на самом деле. Просто придумывать истории про неких людей, а еще лучше, подобно Шекспиру, брать эти истории из каких-нибудь чужих новелл, — уже считается дурным вкусом, банальностью. И Шоу изобретает один экстравагантный сюжет за другим, один невообразимый зигзаг событий за другим. Проблема новизны и неповторимости мотивов будто нависает над художником. И художник рад эту проблему блистательно разрешать. Вообще создается впечатление, что Шоу относится к творчеству как к некоей войне, поединку. Трудно сказать, с кем или с чем именно. Но воинственный азарт явно ощущается во всей стилистике.

Конечно, сам Бернард Шоу не раскладывал по полочкам тезисов ситуацию творческой личности XX века. Он жил как жилось и писал как сочинялось. Разнообразие творческой активности на протяжении всей долгой жизни делает Шоу похожим не на титана, не на сверхчеловека, о котором он написал пьесу, — а скорее на творческую супермарионетку. На большую куклу с великолепно работающим механизмом. Такая ассоциация приходит на ум не потому, что неиссякающее остроумие Шоу кажется слишком холодным. Скорее потому, что Бернард Шоу на редкость последовательно и успешно преодолевал все рифы, объективно существующие в культурном пространстве нашего столетия. Он будто постоянно учитывал, просчитывал все нюансы положения художника и тут же делал выводы — и творил сообразно им. В процессе рассуждений о Шоу рождается нечто вроде итогового афоризма: рациональные художники XX века — самые неуправляемые. Они рациональны по наитию, и их нельзя заставить сочинять нерационально. Им проще бороться за социальную справедливость, чем за зависимость от искусства прошлых эпох. К этой зависимости они виртуозно приноравливаются.

Екатерина САЛЬНИКОВА

111